

Алексей Тепляков

Исполнители смертных приговоров в ведомственной иерархии ВЧК-МГБ

Темы массовых казней в советскую эпоху и роли в них многочисленных исполнителей привлекают заметное внимание, но нуждаются в более подробном изучении. О комендантах ВЧК-НКВД имеются достаточно частые упоминания в мемуарах иностранцев, белоэмигрантов, перебежчиков

[1]. Один из ранних американских мемуаристов отметил миграцию исполнителей приговоров в номенклатуру системы госконтроля («Я слышал, что она была раньше в ЧК одним из комендантов, как называется должность палача»)[2]. В «Тихом Доне» один из заметных героев — не выдерживающий массовых казней начальник расстрельной команды ревтрибунала в Донской области Бунчук.

Однако документальное прослеживание судеб комендантских работников началось только с 1990-х гг. Новейшие справочники по кадрам органов ВЧК-МГБ и немногочисленные исследования позволяют увидеть карьерные достижения некоторых профессиональных палачей[3]. Между тем без исследования персоналий палачей ВЧК-МГБ не может быть полноценного изучения советской карательной системы, в которой они занимали одно из краеугольных мест.

С самого начала истории советской тайной полиции профессиональные исполнители смертных приговоров именовались безобидным термином — комендантами (аналогично подобные лица именовались и у белых — так, у Р. Ф. Унгерна комендантская команда, конвоировавшая, расстреливавшая, вешавшая и поровшая осуждённых, насчитывала до 90 чел.[4]). В системе госбезопасности СССР комендантские работники выделились в особую касту с первых лет существования ВЧК. Изначально коменданты являлись не только техническими работниками, но и доверенными лицами руководителей аппарата ВЧК-МГБ. Основная часть комендантов была сосредоточена в системе ВЧК-НКВД, где свои комендатуры имели и территориальные органы (губчека, губотделы, оперативные секторы и полпредства ОГПУ, управления и городские отделы НКВД), и специализированные структуры (особые отделы, органы госбезопасности на транспорте). Сравнительно небольшая часть комендантов в 1920 — 1930-х гг. обслуживала систему ревтрибуналов и областных (республиканских, краевых) судов, не входя в чекистские кадры.

Пришедший в военную разведку из ЧК В. Г. Кривицкий откровенно написал, что расстреливали все чекисты. Документы подтверждают это мнение. Так, секретарь одного из губотделов ГПУ Украины Суходолец указывал, что частое исполнение приговоров над осуждёнными сделало его больным физически и духовно, а при увольнении чекистов их сопровождали характеристики вроде: «Истрепался от неоднократных расстрелов»[5]. Своеобразное крещение кровью было способом

проверить и профессиональную пригодность к специфической чекистской работе, требовавшей, по стандартной формулировки наградений, «беспощадной борьбы с контрреволюцией», и удостоверением в максимально возможной политической лояльности. Но логика террора требовала также и профессионализации в столь специфическим ремесле, как исполнение смертных приговоров.

Коменданты с помощниками (дежурными комендантами) нередко делали карьеру как в тюремной отрасли, так и в основных оперативных отделах. Коменданты губернских ЧК могли вербоваться из ответственных и доверенных коммунистов. Например, комендантом Крымской ЧК был назначен видный подпольщик И. Д. Папанин, вскоре покинувший эту работу по причине нервного расстройства. Но обычно коменданты назначались из числа рядовых работников ЧК-ОГПУ, чаще бывших военных, показавших умение выдерживать работу профессионального палача. У них было начальное образование, низкая политическая грамотность, а послужные списки пестрели отметками об административных и партийных взысканиях. Известный чекист М. П. Шрейдер с полным сочувствием к комендантам замечал, что это были несчастные люди, вынужденные глушить себя алкоголем[6]. Нередко за комендантами числились и серьезные уголовные преступления, обычно смазанные лёгким наказанием или прекращением дела. Эта категория была привилегированной — и чекистское начальство, и партийные руководители знали о специфике их работы, подчас откровенно отмечая в партийных решениях, что «выпивка была накануне тяжёлой работы — перед расстрелом»[7]. Поэтому взыскания за пьянство обычно не отражались на карьере исполнителей.

Часто деятельность в комендатуре продолжалась совсем недолго, после чего сохранивший хотя бы относительное психическое здоровье и не окончательно спившийся комендант перемещался на вышестоящую должность в системе административно-хозяйственных отделов «органов» или становился обычным оперативным работником — следователем-агентуристом, продвигаясь по служебной лестнице. Но значительная часть комендантов после нескольких недель и месяцев своей работы признавалась негодной к чекистской службе вообще и увольнялась (в т.ч. по собственному желанию), хотя оставалась на чекистском учёте и могла быть вновь мобилизована в ряды «передового вооружённого отряда партии». Однако известны палачи, которые ухитрились сохранять работоспособность многие годы. Это проработавший комендантом с 1926 по 1953 г. В. М. Блохин, а также М. В. Попов, П. И. Магго, И. И. Стельмах (Смоленск), Шашуркин (Тифлис).

Из комендантов выросло немало серьёзных чекистов. Например, В. И. Смирнов (1895 — ?), сын фельдфебеля и рабочий-кузнец, был членом партии большевиков с 1914 г., почти год провёл в тюрьме. С 1917 г. Смирнов служил в Красной Гвардии и РККА, перейдя оттуда в систему особых отделов. На сентябрь 1919 г. он был комендантом Особого отдела ВЧК 5-й армии с окладом 2 500 руб. (начальник Особого

отдела получал 3 500 руб.). В феврале 1920 г. Смирнов работал комендантом Уфимской и Башкирской губЧК, затем — помощником коменданта Омской губЧК. В 1923 г. его перевели уполномоченным в контрразведывательный отдел и вскоре повысили до помощника начальника КРО ПП ГПУ по Сибири[8].

В 1929 г. приказом ОГПУ СССР был отмечен маузером «за беззаветную преданность делу пролетарской революции» комендант Терского окротодела ОГПУ И. Р. Баркан — за расстрел осуждённых, проходивших по делу на почти 100 «заговорщиков». Начиная с надзирателей, в 1929 г. он был выдвинут на должность коменданта полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В 1938 г. Баркан работал начальником отделения в отделе правительственной охраны ГУГБ НКВД, был арестован и расстрелян[9].

Бывший военный политработник А. П. Эглит, с 1923 г. работавший комендантом Закавказской и Грузинской ЧК, в 1927 г. окончил рабфак, затем военно-политическую академию и перешёл в систему особых отделов. В 1944—1951 гг. Эглит был наркомом (министром) внутренних дел Латвийской ССР. С работы комендантом Особого отдела Западно-Сибирского военного округа началась карьера С. А. Вершинина, который в 1937—1938 гг. являлся начальником УНКВД по Рязанской области. С перерывами трудился в данной системе П. С. Долгопятов, комендант Московской ЧК, Особого отдела Юго-Западного фронта и Крымской ударной группы и Управления Особых отделов Юго-Западного и Южного фронтов. Затем он был назначен начальником Тюремного подотдела ГПУ УССР и комендантом ПП ГПУ по Правобережной Украине, а в 1934—1937 гг. возглавлял управления НКВД по Карачаевской и Адыгейской АО, после чего был репрессирован. С комендантской работы начинали будущие видные чекисты М. И. Белкин, А. М. Ершов, К. К. Зедин, М. П. Роголь, С. И. Корнильев[10].

Хотя помимо комендантских работников в массовых казнях участвовали и многочисленные оперативные работники ОГПУ-НКВД, как руководящие, так и рядовые (включая начинающих, с минимальным опытом работы в «органах»), организующая и направляющая роль комендантов и их подчинённых являлась очень важной. Так, видных номенклатурных работников расстреливал обычно многолетний комендант ОГПУ-МГБ В.М. Блохин. Судя по хранившимся у Н. И. Ежова пулям, убившим Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, Сталин интересовался поведением своих врагов в последние минуты жизни. И, конечно, только Сталин мог приказать разыграть кошмарную сцену с расстрелом осуждённых по делу «правотроцкистского блока», заставив Бухарина и Ягоду перед казнью наблюдать за смертью 16 обречённых подельников, чтобы в конце «спектакля» самим получить пули[11]. Таим образом, Сталин дирижировал и последними минутами жизни своих врагов, что придавало фигурам исполнителей палаческих решений вождя особое значение.

Тот факт, что охранниками Сталина служили в том числе профессиональные палачи, чрезвычайно красноречив. Сталин интересовался лично у Берии компрометирующими материалами на комендантских работников, однако новый нарком внутренних дел, предлагавший расправиться с комендантом В. М. Блохиным как связанным с Г. Г. Ягодой, не получил санкции. В 1953 г. Берия показал об этом эпизоде: «Со мной И. В. Сталин не согласился, заявив, что таких людей сажать не надо, они выполняют черновую работу. Тут же он вызвал начальника охраны Н. С. Власика и спросил его, участвует ли Блохин в исполнении приговоров и нужно ли его арестовать? Власик ответил, что участвует и с ним вместе участвует его помощник А. М. Раков, и положительно отозвался о Блохине»^[12]. В архиве вождя сохранилась жалоба от вдовы одного из исполнителей и одновременно сталинских охранников, И. Ф. Юсиса, умершего в 1931 г. от кардиосклероза, по которой Сталин в ноябре 1938 г. распорядился выяснить причины её увольнения из НКВД^[13].

Сталин в одном из выступлений отметил абсолютную секретность работы комендантов: комментируя на декабрьском 1936 г. пленуме ЦК ВКП (б) инициативу Г. Л. Пятакова лично расстрелять Зиновьева и Каменева с последующим обнародованием этого факта, вождь заявил, что «мы никогда не объявляли, кто выполняет приговор». Характерно, что эти слова прозвучали буквально несколько дней спустя после публикации в центральной прессе указа о награждении 19 чекистов за участие в расстрелах (конечно, были названы только их фамилии, но не должности).

Сталин желал иметь палачей при себе, на глазах, доверяя им свою особу как наилучшим охранникам. Люди, стрелявшие в затылок врагам Сталина, были именно теми, кому вождь мог доверить сохранность собственной головы. Такой подход был типичен для чекистско-партийной номенклатуры: у Берии телохранителем служил исполнитель приговоров С. Н. Надарая, а секретарем видного чекиста В. А. Каруцкого являлся бывший дежурный комендант ГПУ Туркменской ССР С. С. Хайнал^[14].

С точки зрения руководящих чекистов, надёжный комендант или начальник тюрьмы — это штучная должность, требовавшая человека закалённого и проверенного. Своеобразная «приватизация» комендантов и тюремных начальников региональных управлений ОГПУ-НКВД была общей и многолетней тенденцией. Например, заместитель начальника Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский, переведённый на должность полпреда ВЧК по Сибири, в начале 1920 г. забрал в Омск работника ВЧК с 1918 г. Ф. М. Гуржинского, который в 1920—1925 гг. являлся комендантом ПП ВЧК-ОГПУ по Сибири, а помощника начальника тюрьмы Особого отдела ВЧК Э. Я. Зорка сделал начальником внутренней тюрьмы полпредства ВЧК по Сибири^[15]. Председатель Тюменской губЧК П. И. Студитов, ставший в 1922 г. начальником Архангельского губотдела ГПУ, перевёл начальника Берёзовского политбюро ТюмгубЧК П. Е. Желонкина

в Архангельск, где тот в январе 1923 г. получил должность коменданта Архангельского губотдела ГПУ[16]. Глава чекистов Запсибкрая Л. М. Заковский в 1932 г. увёз с собой из Новосибирска в Минск коменданта полпредства Н. М. Майстеров, а пришедший на смену Заковскому Н. Н. Алексеев захватил в Новосибирск с прежнего места работы коменданта полпредства ОГПУ по Центрально-Чернозёмной области М. И. Пульхова. В 1936 г. Пульхова забрал в Красноярск А. К. Залпетер, получивший повышение и с должности замначальника УНКВД по Запсибкраю переведённый на пост начальника УНКВД по Красноярскому краю.

Комендантов постоянно награждали денежными премиями, ценными подарками и боевым оружием. А самых профессиональных выделяли наряду с наиболее отличившимися, ставя не ниже начальства. Уже при награждении первой партии видных чекистов знаком Почётного чекиста в честь пятилетней годовщины ВЧК-ГПУ значки № 17 и № 18 получили исполнители Ф. И. Сотников и (предположительно исполнитель) А. Я. Дальдер, № 40 и № 42 — П. И. Магго и П. П. Пакалн, № 79 — М. В. Попов; некоторое время спустя высшего ведомственного отличия удостоили В. И. Смирнова, Ф. М. Гуржинского, К. Я. Дукиса. А в 1927 г. среди большого списка получивших ордена Красного Знамени оказались исполнители Ф. И. Сотников и И. Ф. Юсис[17]. Затем, насколько известно, в течение 9 лет коменданты и тюремные работники не получали орденов.

Но 28 ноября 1936 г. «за особые заслуги в борьбе за упрочнение социалистического строя» орденами были награждены сразу 19 чекистов[18]. Ордена Ленина удостоился один — секретарь наркома Ягоды П. П. Буланов, остальные получили ордена Красной Звезды, в т. ч. замначальника учётно-статистического отдела ГУГБ НКВД С. Я. Зубкин. Среди оставшихся мы видим 16 человек (сведениями об И. Г. Игнатъеве мы не располагаем), занимавшихся непосредственно расстрелами. Среди них В. М. Блохин, П. И. Магго, П. П. Пакалн, М. В. Попов, Д. Э. Семенихин, И. И. Фельдман, В. И. Шигалев, И. И. Шигалев — работники Лубянки; Г. Л. Алафер, Н. В. Богданов, М. Р. Матвеев, А. Р. Поликарпов, П. Д. Шалыгин (УНКВД по Ленинградской области); Д. Д. Кобинек, И. Г. Нагорный, А. Г. Шашков (НКВД УССР). Это была очевидная награда за уничтожение видных оппозиционеров, бывших членов ЦК и Политбюро Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Е. Евдокимова, И. Н. Смирнова, Г. Ф. Федорова, а также фигурантов ряда местных политических процессов.

В честь 20-летия ВЧК-НКВД 19 декабря 1937 г. порядка 400 чекистов были награждены орденами Красной Звезды и Знак Почёта. Среди них было много (не менее 15%) тюремно-комендантских работников. Орден Красной Звезды получали отличившиеся коменданты, например, работавший в УНКВД по Воронежской области Я. И. Лутков (в 1970-х гг. его имя было присвоено улице в одном из городов этой области), коменданты УНКВД по Читинской области С. С. Воробьёв, Харьковской — А. П. Зеленый, Красноярского и Алтайского краев — М. И.

Пульхров и Д. М. Булгаков. Орден «Знак Почёта» доставался комендантам и тюремным работникам более низкого уровня, например, дежурному коменданту УНКВД по Красноярскому краю М. П. Ждамирову. Среди награждённых «Знаком Почёта» оказалось 38 чекистов, не имевших званий, что говорит в пользу преобладания среди них рядовых исполнителей приговоров, вроде вахтера (надзирателя) УНКВД по Ленинградской области А. А. Беккера, младшего командира взвода Лефортовской тюрьмы Д. Д. Сокоушина (впоследствии осуждённого), вахтёров УНКВД по Новосибирской области П. А. Гудкова и Г. И. Ершова[19].

Напротив, широкие репрессии эпохи Большого террора мало затронули комендантов. Насколько известно, только комендант УНКВД ДВК Т. Ф. Реушев был в сентябре 1937 г. арестован и через полгода расстрелян как заговорщик вместе со всем руководством управления. Но вот массовые увольнения, затронувшие в 1939 г. почти четверть оперативного состава НКВД, коснулись и комендантов. Частично это объяснялось сверхнагрузками эпохи Большого террора, частично — связями с «врагами народа», садизмом при исполнении приговоров, мародёрством. Были уволены коменданты УНКВД по Винницкой области М. Н. Бельский, Калининской — Т. Г. Байкин, Архангельской — М. И. Яковлев, Вологодской — В. Г. Кравцов, Хабаровскому краю — М. Т. Богданов (в августе 1937 г. награждённый орденом Знак Почёта).

Но значительная часть комендантов, уволенных в 1937—1940 гг. по мотивам расстройства здоровья и политической неблагонадежности, в годы войны была возвращена в НКВД. Например, комендант УНКВД по Иркутской области Ю. И. Попов в 1939 г. был уволен, но затем возвращён в систему и в 1944 г. носил звание майора ГБ[20]. В марте 1937 г. был уволен комендант УНКВД Западной области 54-летний И. И. Стельмах, ветеран ВЧК, но вскоре принят вновь, работал начальником внутренней тюрьмы и в 1940 г. расстреливал польских военнопленных в Смоленске, а в 1942—1946 гг. возглавлял комендантское отделение УНКВД-УНКГБ по Смоленской области. Уволенный в 64-летнем возрасте, Стельмах был одним из самых пожилых чекистов того времени[21].

За участие в садистских расправах над осуждёнными в 1939 г. были арестованы коменданты НКВД Таджикской ССР А. П. Жадин и УНКВД по Житомирской области М. С. Люльков. Последний был осуждён на 3 года, в начале 1942 г. амнистирован, призван на фронт и награждён. А комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР И. И. Степанов, арестованный в феврале 1939 г. за должностные преступления, по заданию высшего руководства «органов» (с предварительной санкции Сталина) убил в камере бывшего члена ЦК РКП (б) К. Б. Радека, за что получил свободу[22].

В годы советско-германской войны численность комендантов резко выросла в связи с обслуживанием деятельности многочисленных особых отделов дивизий, корпусов, армий и фронтов, также обильно поощряясь государственными наградами. Бывший комендант УНКВД по Донецкой

области Л. С. Аксельрод, награждённый орденом Красной Звезды (19.12.1937), в 1942 г. был комендантом Особого отдела 4-й армии и получил медаль «За боевые заслуги» с формулировкой: «В целях поднятия боеспособности частей 25 с/к, 52, а затем 4-й Армии, неоднократно командировывался для приведения в исполнение приговоров на передовые позиции. Эти поручения всегда выполнял умело и добросовестно». Работавший в ВЧК с 1918 г. Ф. П. Жилин, награждённый орденом «Знак Почёта» (1937), в 1942 г. как комендант Особого отдела НКВД 33-й армии был представлен к медали «За отвагу» за выполнение «специальных заданий по расправе с врагами Советской Власти и Красной Армии». Бывший комендант НКВД БелССР С. Г. Коба как комендант Особого отдела НКВД Западного фронта «непосредственно уничтожал немецких солдат, офицеров, приводил приговора в исполнение в отношении разоблаченных изменников, предателей Родины». Затем подобная работа стала оцениваться орденами: комендант Особого отдела 38-й армии Б. В. Рыцлин в 1942 г. получил медаль «За отвагу» с формулировкой: «выполняет специальное задание по уничтожению шпионов, диверсантов и изменников и др. к-р элемента», а к 1945 г. имел пять орденов[23].

Таким образом, в эпоху ВЧК-МГБ комендантские работники относились к привилегированной прослойке, пользуясь ведомственным уважением. Начальство охотно, начиная с периода Гражданской войны, представляло их к наградам и продвигало по службе. На протяжении всей истории органов ВЧК-МГБ прослеживается высокая степень значимости комендантских работников, внимание к которым росло с каждым новым пиком государственных репрессий. Особенно выделялись в этом отношении периоды 1936–1938 гг., а также 1941–1945 гг., когда резко возрастало число расстрелов, и многочисленные коменданты оказывались среди награждённых орденами и медалями. В послесталинское время значение комендантских работников быстро ушло, и исполнителям сравнительно немногочисленных смертных приговоров в системе КГБ выплачивали лишь премии.

[1] Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. — М., 1990; Бруновский В. Дело было в С.С.С.Р. (Страничка из воспоминаний быв. «смертника») // Архив Русской революции. — М., 1993. Т. 19–20. С. 120–121; Аронсон Г. На заре красного террора. — Берлин, 1929. С. 11–12; Агабеков Г. ЧК за работой. — Берлин, 1931 (М., 1996); Беседовский Г. З. На путях к термидору. — Париж, 1931 (М., 1997).

[2] См. Berkman A. The Bolshevik Myth (Diary 1920–1922). — New York, 1925.

[3] Золотарьов В. А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харківщині: люди та доли (1919–1941). — Харків, 2003; Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920 — 1930-х годах. — М., 2007; Петров Н. В.

Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. — М., 2010.

[4] РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 33. Л. 32 об.

[5] Подкур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР 1920 — 1930-х годов: Источниковедческий анализ. — Тернополь, 2010. С. 243–244.

[6] Шрейдер М. П. Воспоминания чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 81.

[7] Олех Г. Л. Кровные узы. РКП (б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. — Новосибирск, 1999. С. 56.

[8] РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 659 об.; ГАНО. П-10. Оп. 2. Д. 526. Л. 1–5; Ф. П-11а. Оп. 1. Д. 88. Л. 13.

[9] Тумшис М. А., Золотарёв В. А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. — Самара, 2012. С. 69, 437.

[10] Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. — М., 2010. С. 950.

[11] Петров Н. В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. — М., 2011. С. 199–200.

[12] Петров Н. В. Палачи □ С. 199–200.

[13] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 834. Л. 3–7.

[14] Тепляков А. Г. Опричники Сталина. — М., 2009. С. 155–156.

[15] ГАНО. Ф. П-11а. Оп. 1. Д. 88. Л. 13; Ф. П-11. Оп. 1. Д. 132. Л. 36; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 168. Л. 86.

[16] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 150. Л. 194–196.

[17] Сведения А. Н. Жукова (Москва).

[18] Известия. 1936. 28 нояб. С. 2 (указано В.А. Золотарёвым).

[19] ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 44. Д. 171. Л. 113; Сведения А. Н. Жукова и В. А. Золотарёва; Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920 — 1930-х годах. — М., 2007. С. 86.

[20] Буюков А. М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД. — Владивосток, 2008; РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 243. Л. 202 (сведения А. Н. Жукова)

[21] Петров Н. В. Палачи... С. 273–274.

[22] Петров Н. В. Палачи... С. 46.

[23] <http://podvignaroda.mil.ru/>

// История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. — М., РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2013. (История сталинизма. Дебаты). С. 435–443.

<http://rusk.ru/st.php?idar=66194>